

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190

УДК 81.42

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В.А. Маслова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Беларусь, 210015, Витебск, Московский пр., 33

В статье выявляются и описываются основные тенденции и принципы современной лингвистики. Это интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуросоцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке, они взаимодействуют даже в одном исследовании. Учет человеческого фактора — важнейшая характеристика постнеклассической науки, поэтому антропоцентрический вектор современных лингвистических исследований способствует зарождению большинства названных принципов. В XXI веке все гуманитарные науки, в числе которых и лингвистика, становятся другими, так как современная социальная ситуация предъявила к ним новые требования: прежде всего, это более высокий уровень синтеза наук, их интегративности не только между собой, но и с естественными науками. Для такой сложной области исследования, как язык, свой вклад могут внести представители многих наук — от молекулярной биологии, генетики, нейрофизиологии, психологии, до антропологии, нейролингвистики, аналитической философии. Специализация исследований должна идти, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам», потому что снятие информационных барьеров между науками дает мощный импульс для развития исследований.

Благодаря названным тенденциям и принципам, языкознанием стало исследоваться то, что ранее не входило в сферу ее интересов. Теперь в сферу интересов лингвистики входит все, что отвечает требованиям теории знаковых систем и что позволяет увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности и культуры.

Ключевые слова: интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуросоцентричность

Введение

Если на протяжении всего XX века основными принципами исследования языка были системность и структурность (реже — функциональность), то сейчас на первый план выходят *интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуросоцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке* и др. Названные принципы, как правило, в современных исследованиях взаимодействуют и обуславливают друг друга, например, интегративность позволила более отчетливо увидеть глубинные семантические основы языка и человеческой ментальности, что привело к зарождению когнитивной лингвистики. А к возникновению интегративности привело понимание необходимости целостного видения человека (говорящего/слушающего). «Только целое имеет

смысл», — утверждал Г. Гегель. Теперь уже нет сомнений, что изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям и категориям культуры. Или еще пример. Антропоцентрический принцип, при котором в центре лингвистических исследований оказывается *человек говорящий*, перетекает в коммуникативный и диалогический, так как и человек и его речь по природе своей диалогичны (ср. русскую поговорку *Речь — это в другого втечь*). А происходит любой диалог на фон культуры и социума, что обуславливает использование культурологического и дискурсивного принципов.

Таким образом, антропоцентрический вектор современных лингвистических исследований способствует зарождению большинства названных принципов. Однако для ясности далее охарактеризуются названные принципы по отдельности.

Цель

Цель названной статьи заключается в выявлении и характеристике основных тенденций в современной лингвистике.

Методы и материалы

В основу методологической концепции положены гуманитарно-эвристические методы — таксономический, объяснительное описание, обобщение, характеристики сущностей.

Материалом послужили работы теоретиков современной лингвистики: Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, А.А. Кибрика и др.

Результаты

Принять вызовы современности: способствовать развитию интегративности, междисциплинарности, полидисциплинарности, трансдисциплинарности, которые обеспечивают целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. XXI век предполагает более высокий уровень интегративности не только гуманитарных наук между собой, но и с естественными науками. Предпосылки к этому уже были: высказывалось предположение, что наша речь частично материализует квантовую механику мозга и вселенского разума, т.е. ноосферы как его части.

Обсуждение

Интегративность как отличительное свойство формирующегося направления выражается, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении своих задач; а, во-вторых, интегративность проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована многогранностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Это обеспечивает многоаспектность при решении определенной, одной проблемы и одновременно способствует получению иной, часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Еще в XX в. американский лингвист Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» (Сепир, 1993: 237—238). Хотя это сказано в середине XX века, оно актуально и сейчас.

Таким образом, на современном этапе развития науки наибольшую актуальность приобретают не узко специализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое, что способствует решению сложных научных и практических задач. Современная лингвистика стремится к интеграции с целым рядом наук — психологией, антропологией, культурологией, социологией, микробиологией, генетикой и другими науками, изучающими человека и его язык.

Появившиеся в конце прошлого века такие области знания, как лингвокультурология, лингвоконцептология, юрислингвистика и др., являются по своей природе и сущности интегративными. Принять вызовы современности, значит, способствовать развитию интегративности, междисциплинарности, полидисциплинарности, трансдисциплинарности, которые обеспечивают целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. Только совместные усилия гуманитариев в содружестве с биологами, физиологами, физиками, экономистами, педагогами дадут мощный импульс для развития исследований и приведет к стиранию информационных барьеров между науками.

Антропоцентричность. В лингвистике во второй половине XX века произошла смена исследовательских приоритетов: она восприняла продуктивную идею, впервые прозвучавшую в работах В. Гумбольдта о необходимости изучения языка в непосредственной связи с человеком, его культурой, мышлением, сознанием. Оказалось, что понять природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из многосторонней деятельности человека и создаваемого им мира (Гумбольдт, 1984: 69).

Другой выдающийся французский лингвист в середине прошлого века сказал: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Бенвенист, 1974: 15). И, действительно, мы говорим *под боком*, *под рукой* (о чем-то близко расположенном), *внизу*, *налево* (ориентир — говорящий), *буря разыгралась*, *дождь стучит по крыше*, *море уснуло* и т.д. Из этих примеров видно, как человек познает мир, соотнося его с собой, своим телом (*артерии страны*) и даже своими украшениями (*сережки берез*).

Отсюда следует, что именно лингвистика поможет многое прояснить в человекознании. «Сущность человека покоится в языке», — сказал один из крупнейших мыслителей XX века немецкий философ Мартин Хайдеггер. Аналогичной точки зрения придерживался академик В.В. Виноградов.

Одной из причин смены парадигмы исследования (системно-структурной на антропологическую) стало то, что системно-структурное языкознание требовало все большей точности, использования математического аппарата, хотя, как вы-

яснилось, лингвистика по своей природе принципиально неточная и субъективная наука. Об этом периоде развития лингвистики Ю.Н. Караулов сказал так: «Изгнание человеческого из ее пределов — естественная плата лингвистики ... за ее стремление быть максимально объективной» (Караулов, 2004: 19).

Антропоцентрический подход к языку в сравнении с системоцентричным, согласно замечанию В.М. Алпатов, это не новое явление в лингвистике, он исторически первичен и представлен уже в различных ранних национальных лингвистических традициях: индийской, арабской, китайской, японской (Алпатов, 1993: 15).

При антропоцентрическом подходе анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И.А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» (Бодуэн де Куртэне, 1963: 71). Идея антропоцентричности языка стала ключевой в современной лингвистике.

В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик единиц языковой системы, потому что язык — сложнейшее многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное соморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, раскрывается самая его сущность. А для этого нужны усилия представителей многих наук.

Автор полностью солидарна с позицией В.И. Постоваловой, которая считает, что антропологическая программа изучения языка выдвигает на первый план проблемы, касающиеся раскрытия взаимосвязи человека и его языковой активности; проблемы соотношения языка и духовной деятельности человека, языка и мышления (сознания), языка и ценностей человека, языка и культуры, языка и познания, языка и общества и др. (Постовалова, 1995: 343).

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, не мыслим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка. И такой подход к языку чрезвычайно перспективен сейчас.

Коммуникативность. Коммуникация — общение, обмен мыслями, информацией, знаниями, чувствами, схемами поведения и др. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности. Различается коммуникация в широком смысле — как одна из форм человеческой жизнедеятельности (в том числе различные формы речевой деятельности) и коммуникация в узком смысле, предполагающая обмен смысловой информацией.

Коммуникация — это важнейшая составляющая социального поведения человека, а само коммуникативное (речевое) поведение может рассматриваться как часть национальной культуры. Следовательно, под коммуникацией понимается смысловой аспект социального речевого взаимодействия.

Бубер М. указывает на тройственное жизненное отношение человека: к миру (вещам), к человеку (людям), к тайне бытия (Богу). Сущностное отношение к миру завершается в искусстве, отношение к человеку — в любви, отношение к Богу — в религиозном откровении, это ответ на зов, который человек не слышит, но чувствует. В этом универсальном коммуникативном отношении заключено учение о человеке, о его месте в мире, о его отношении к Богу, природе, другим людям.

Теория коммуникации зиждется на общепсихологической теории деятельности, согласно которой любая деятельность может быть описана через два ряда понятий: 1) «деятельность», «действие», «операция»; 2) «мотив», «цель», «условие» (Е.Ф. Тарасов).

Как уже отмечалось, коммуникативная деятельность человека — это важнейшая составляющая его социального поведения, поэтому само коммуникативное (речевое) поведение может рассматриваться и как часть национальной культуры. С позиции деятельностного подхода, коммуникация понимается как совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий взгляд на мир. Для него характерны процессуальность, континуальность, контекстуальность. В целом, деятельностный подход лучше объясняет мир и более гуманистичен.

Одной из наиболее распространенных форм передачи информации является вербальная коммуникация. Данная «форма передачи информации осуществляется в виде текстов. Текст — универсальное средство, которое может использоваться как в системах массовой коммуникации (текст в газете или по телевидению и др.), так и в межличностных (тексты, которыми обмениваются между собой коммуниканты)» (Каменская, 1990: 14).

Большое значение для коммуникативного подхода имеет введение в лингвистические исследования коммуникативной ситуации, т.е. совокупности факторов, обуславливающих возможность и характер коммуникативного акта. С одной стороны, коммуникативная ситуация всегда конкретна, неповторима, с другой — она сводима к некоторому числу инвариантов. В структуру коммуникативной ситуации входят, по Л. Сахарному, 1) говорящий, 2) то, о чем говорить (предмет коммуникации), 3) слушающий, 4) код (язык), 5) текст (реализация кода), 6) общие условия общения. На коммуникацию влияют: 1) установка участников коммуникации, 2) характер и цель коммуникации, 3) социальные роли коммуникантов, 4) общность знаний о мире и языке, что пробудить в слушающем примерно тот же круг идей, которые связаны с предметом общения и др.

Какое бы ни было речевое высказывание по своему объему, сколько бы человек ни участвовало в данной коммуникации, в каких бы условиях она ни проходила, в основе ее лежит определенная модель, которая применима для любого типа речевой коммуникации. Схема ее включает следующие компоненты: *адресант, сообщение, контекст/ситуация, контакт, код, адресат*.

Как видим, открывает и замыкает эту цепочку человек, так как он отправитель и получатель информации, оформленной в виде текста. Текст — обязательное, связующее звено любой коммуникации. Таким образом, согласно коммуникативному принципу, язык можно объяснить как глобальное средство коммуникации, всесторонне описать его во всех проявлениях.

В связи с увлечением данным подходом наметилась важная и опасная тенденция — **поглощение лингвистики теорией коммуникации**. Косвенным доказательством тому могут служить появившиеся во второй половине XX века несколько новых оригинальных теорий, родившихся в русле теории коммуникации интерес к которым в лингвистике велик до сих пор. Это теория *речевых актов*, *теория речевых жанров*, *теория языковых игр*, *теория межкультурной коммуникации*. Общим для них является деятельностный подход к коммуникации и языку в целом с его идеей единства коммуникативной и некоммуникативной человеческой деятельности. Каждая из названных теорий по-своему решает проблему общения личности в социальной среде, и у каждой из них — своя судьба. Например, судьба теории речевых жанров складывалась не столь удачно, как теории речевых актов. Теория жанров, созданная М.М. Бахтиным в 1950-е годы (т.е. даже раньше теории речевых актов), почти 50 лет была невостребованной. Но, начиная с 1970-х годов, наблюдается всплеск интереса к данной проблеме. В наши дни теория речевых жанров чрезвычайно популярна, и она имеет огромный научный потенциал. Не менее популярна и теория межкультурной коммуникации.

Таким образом, теория коммуникации, действительно, поглощает лингвистику, что можно наблюдать сейчас. Это не только опасно, но и неправильно, а потому этот процесс не может быть успешным, хотя может быть достаточно длительным.

Ведь еще Н. Хомский писал, что язык не так уж хорошо приспособлен для коммуникации, а существует главным образом для структурирования мышления, т.е. внутренних процессов. Поэтому в работах по теории коммуникации все чаще обсуждаются «коммуникативные ямы», т.е. провалы в понимании, хотя сами фразы построены правильно. Значит, коммуникативный принцип нельзя признать главным еще и потому, что общение — это не только коммуникация (обмен информацией), но и интеракция (обмен действиями), перцепция (взаимовосприятие).

Современная теория коммуникации не может учесть многого, происходящего в языке. Например, тот факт, что одна и та же фраза может служить разным целям, решать различные задачи. Так, фраза *старость не радость* может быть и упреком и оправданием, и утешением и порицанием, и констатацией факта и конкетством и т.д.

При таком подходе коммуникация — это взаимодействие различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь.

Теория коммуникации не способна постичь еще один важный аспект языка — глубинные аспекты языка. Выдающиеся мыслители прошлого века (например, Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате») писали о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть постигнута дискурсивно, она открывается человеку в образе. Витгенштейн Л. считал, что это «невы-

сказываемое, мистическое». О «сфере смутных представлений» писал И. Кант, о «невычисляемых пластах» — Т.В. Черниговская.

Тесно связана с коммуникативностью *диалогичность* и даже *полилогичность*. По М. Буберу, человек познается через семиотическую деятельность, предполагающую существование «другого». Бубер М. открыл новый объект исследования: *Я-Ты отношения*, в которых живет человек. Фактически это диалогические отношения, при которых без *Ты* невозможно *Я*, а путь человека — это всегда путь вместе с другим человеком, это жизнь в общности. Человек, познающий мир, — это человек-с-человеком. Мартин Бубер — один из первооткрывателей диалогического понимания личности и культуры, его философская антропология — это изучение целостной человеческой личности. В ряду его предшественников В. Гумбольдт, Л. Фейербах, Фихте. Рядом с ним можно назвать французского исследователя Г. Марсея, Хайма, русского М. Бахтина. Однако наиболее содержательную философскую разработку сфера диалогического получила именно в работах М. Бубера, сам ученый писал: «У меня нет учения, но я веду беседу».

Подлинный диалог с Богом безмолвен. Таким образом, человек — цельное существо, наделенное тройственным жизненным отношением (Бубер, 1998). В этом универсальном диалогическом отношении заключено учение о человеке, о его месте в мире, о его отношении к Богу, природе, другим людям.

Бахтин М. утверждал, что именно диалог — реальность языка, это не изолированное высказывание, а социальное событие речевого взаимодействия: «диалогичность познания закрепляется в структуре готового текста» (Бахтин, 1979: 59).

Опираясь на сказанное, понимаем диалог не просто как речевое взаимодействие субъектов, а как взаимодействие присущих им различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь. Диалогичность — это проявление социальной сущности языка, реализуемое в коммуникации, это *единственная* форма существования языка, в процессах общения, хотя традиционно диалог считается одной из форм существования языка. Щерба Л.В. также одним из первых назвал диалог основной формой языка, утверждая, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (Щерба, 1974: 4). Диалог пронизывает и мышление, которое тоже социально и диалогично. Специфика диалогических отношений состоит в том, что они включают в себя и логические, и лингвистические, и психологические отношения. Это как бы особый, сложный тип отношений, когда за каждой репликой стоят самостоятельные языковые личности. Поэтому главное в диалоге, это даже не диалог позиций, как считал М. Бахтин, а диалог языковых личностей во всем их многообразии, включая социальные роли. Таким образом, диалогичность — фундаментальное свойство любого текста, в том числе и художественного. В результате исследований было доказано, что всякий монолог — это частный случай диалога, ибо сам монолог — это искусственное образование, весьма условно выделенное, это как бы одна большая реплика в речевом взаимодействии. Как бы ни было значительно по размерам и законченности высказывание, оно лишь момент непрерывного речевого общения, и производится оно с установкой на восприятие. Предполагаемой диалогичности

(коммуникативности) не лишена и отдельно взятая языковая единица, и система языка в целом.

Вся речь, все мышление с самого начала были диалогичными. Поэтому можно сказать, что человек обладает некоторой диалогической компетенцией, которая позволяет ему участвовать в создании диалогов. Диалогическая ориентация позволяет изучать личность в пространстве коммуникации, межличностного и внутриличностного общения, диалога, в том числе диалога с самим собой. В контексте диалога личность предстает как «полифония голосов», обретающая существование в непрерывном диалоге.

Как уже говорилось, всякий текст имеет коммуникативную природу. В современной культурологии, литературоведении, лингвокультурологии и других гуманитарных науках, вслед за бахтинским понятием диалога, возникло понятие полилога. Любой текст, а художественный даже в большей степени, — это полилог, т.е. так называемый «парадокс многоголосия»: между автором и читателем, исследователем и читателем, автором и исследователем, текстом и автором, текстом и читателем, текстом и исследователем, автором и читателем, реальным читателем и исследователем и т.д.

Текст создается и воспринимается человеком, без которого существует лишь «тело текста», которое без человека, его воспринимающего, есть звуковой шум или цепочка графем, не являющихся знаками в собственном смысле слова до тех пор, пока не появится человек, способный приписать им значение.

Именно об этом идет речь в работах Н.А. Рубакина (Рубакин, 2000), который подчеркивал, что мертвые физические раздражители лишь обеспечивают возможность вызвать те или иные психические переживания в каком-либо человеке, умеющем читать письма определенного языка. Теперь эту мысль поддерживают философы (А.М. Пятигорский), психолингвисты (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.). Разделяя эти взгляды, автор статьи, тем не менее, думает, что именно в тексте, в его «теле» содержатся сигналы, позволяющие видеть и воспринимать подтекст, именно вокруг этих сигналов группируются основные варианты смысла, возникающие при восприятии текста.

Читатель, воспринимая текст, вступает с ним в диалог и налагает на него собственную схему смысла, что позволяет ему увидеть в данном тексте нечто свое. Поэтому можно интерпретировать художественный текст в довольно широком диапазоне. Хотя на сегодняшний день невозможен полный учет и научная рационализация проблем смыслопорождения, можно констатировать, что в тексте задан некий инвариант основного смысла, которым многочисленные варианты направляются и ограничиваются, делая их не беспредельными.

Дискурсивность. Проблема дискурса в последнее время становится все более актуальной в лингвистике, социологии, философии, политологии, психологии, культурологии и др. Дискурс, по Й. Шерзеру, — это трудно постижимая область, неуловимое, неточное и постоянно возникающее переплетение языка и культуры. Это узел, в котором действительно выражается взаимоотношение языка, культуры и общества. Именно дискурс создает, воспроизводит и изменяет и культуру, и язык в точках их пересечения (Sherzer, 1977: 29).

Дискурсное явление в тексте — своего рода коммуникация, «погруженная в жизнь», по мнению Н.Д. Арутюновой. Об «обмене произведения с жизнью» в свое время писал М.М. Бахтин (Бахтин, 1979: 403), а Э. Бенвенист вообще считает это явление «самой жизнью языка в действии» (Бенвенист, 1974: 139). Т.А. ван Дейк уверен, что дискурс — это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события (Дейк Т.А., 2000: 122).

Степанов Ю.С. в статье, посвященной дискурсу, дает такое его толкование: «Мы... предварительно разьясим это явление так: дискурс — это первоначально особое использование языка... для выражения особой ментальности... Дискурс реально существует... прежде всего и главным образом в текстах, но в таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир... Каждый дискурс — это один из “возможных миров”» (Степанов, 1995: 38, 44). Или, при другой смысловой акцентировке, дискурс — это «“язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности» (Там же: 44).

С позиций современных подходов дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текстов, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста (Алефиренко, 2011; LaTableRonde, 2013). Анализ их работ позволил сказать следующее.

Опираясь на теорию деятельности, можно сформулировать такие положения, релевантные для концептуализации дискурса как коммуникативного события:

1) дискурс — это социальная коммуникация, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном контексте — культурном, психологическом, политическом и др.;

2) дискурс — это коммуникация, осуществляемая, прежде всего, вербально, но не исключающая невербальных средств (жест, мимика, рисунок, музыка и др.). Таким образом, дискурс следует рассматривать не как только вербализованную, но и невербальную ментально-коммуникативную деятельность в социальном контексте;

3) как любая деятельность, дискурсивная деятельность интенциональна и направлена на установление и поддержание взаимодействия между людьми, необходимого для достижения глобальной (доминирующей) цели, которая детерминирована внеречевыми мотивами субъектов дискурса;

4) дискурс — это интерактивная коммуникация, заключающаяся в том, что его смысл генерируется совместно адресантом и читателем (слушающим, адресатом) — активным интерпретатором сообщения;

5) реализация/нереализация глобальной цели дискурса есть результат взаимодействия субъектов дискурса. С этой точки зрения и процесс речевого воздействия предстает как взаимодействие субъектов дискурса;

6) дискурс объективируется в форме диалогического или монологического текста, соотносимого на дискурсивном уровне с комплексным речевым актом. Дискурс не существует без текста.

Данные характеристики дискурса могут рассматриваться в качестве основы для создания универсальной коммуникативной модели дискурса. Модель коммуникации, не противоречащая данным характеристикам, становится базовой для описания дискурсивной деятельности вообще и различных типов дискурса в частности.

Думается, что дискурс — это когнитивный процесс, реализующийся в ценностно-смысловом пространстве индивида, потому что о дискурсивном подходе к тексту можно говорить тогда, когда рассматривается окружающий мир, репрезентируемый личностным мировоззрением и представленный *когнитивными знаками* кодовой системы языковой личности. Дискурсивные рамки исследования помогают конкретизировать коды ценностно-смыслового пространства, в целях выявления мыслительно-языковых процессов, происходящих в мировоззрении индивида.

Дело в том, что владение языковым кодом не служит гарантией адекватного общения. Знание и использование нужных стратегий и тактик в речевом общении — это фактически ответ на вопросы *что, кому, когда* и *как* следует или не следует говорить. Одним из проявлений дискурсивного подхода стало исследование стратегического и тактического использования языковых средств сквозь призму намерений и коммуникативных целей говорящего.

Интерпретация понятий *стратегии* и *тактики* осуществляется в рамках целого ряда подходов, в том числе дискурсивного, когнитивного и коммуникативного.

Понятие коммуникативной стратегии широко распространено в лингвистических исследованиях, направленных на изучение способов воздействия собеседников друг на друга в речевом общении (работы Е.В. Бакумова, Е.Г. Борисовой, Е.М. Верещагина, Р. Ратмайра, Т. Ройтер, М.Э. Койт, К.Ф. Седова, С.А. Терихова, П.В. Феденко, и др.).

В рамках когнитивного подхода *стратегия* рассматривается как свойство когнитивных планов, т.е., по мнению Т.А. ван Дейка, стратегии «являются (часто неосознанно) способами обработки сложной информации в памяти <...>» (Дейк., 2000: 277). В рамках рассматриваемого подхода *стратегия* интерпретируется либо как когнитивный процесс, либо как результат когнитивной деятельности.

В рамках коммуникативного подхода *стратегия* интерпретируется как совокупность речевых тактик, т.е. как совокупность речевых действий, ориентированных на решение общей коммуникативной задачи говорящего.

Важно подчеркнуть, что когнитивный и коммуникативный подходы к интерпретации понятия *стратегии* не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют друг друга. С позиций обоих подходов стратегия рассматривается как сложный феномен, исследование которого предполагает обращение к понятиям *коммуникативная/речевая тактика*.

Тактики — совокупность практических ходов в реальном процессе коммуникации. Как известно, общепринятой классификации речевых стратегий и тактик не существует. Так, Н.И. Формановская считает, что тактик «существует такое

множество, какое можно сравнить с множеством речевых действий» (Формановская, 1989: 60).

Именно дискурсивный подход приводит к идее множественности интерпретации одной и той же фразы, текста, что связано с разными сознаниями, воспринимающими данный текст, а также разными стратегиями и тактиками пишущего и воспринимающего текст. Еще Л.С. Выготский утверждал, что мысль не просто оформляется в слове, а совершается в нем.

Культуроцентричность как тенденция современной лингвистики. О самой возможности изучать язык во взаимодействии с культурой писали В. Гумбольдт, А. Брюкнер, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, а в XX веке В.В. Иванов, В.Н. Топоров Н.И. Толстой, В.В. Воробьев, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.М. Шаклеин и др. Именно их работы подготовили почву для того, чтобы принять следующий постулат: *Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.* Это положение полностью соответствует утверждениям В. Гумбольдта о том, что изучение языка не может протекать изолированно от культуры, носителем которой является каждый человек, поскольку «...язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», это сумма всех слов, «объединенная духовная энергия народа...» (Гумбольдт, 1985: 348).

Итак, язык одновременно есть и орудие создания, развития, хранения культуры, и ее часть, с его помощью создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры. Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует языковые категории и концепты. В своей деятельности человек имеет дело с репрезентациями мира в языке, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Именно языковой материал наиболее весомая, часто самодовлеющая информация о мире и человеке в нем.

Такой подход привел к изменению понимания культуры. Под влиянием когнитивной науки культура трактуется как «внутренняя концептуальная система, управляющая поведением человека» (Лурье, 2005: 235). Отсюда важный, а потому повторяемый автором статьи вывод, что **язык интерпретирует мир, создавая особую реальность, в которой живет человек.**

Культура — это результат человеческой деятельности. Например, лист клена, висящий на дереве, — это часть природы, а тот же лист, сорванный в память о встрече с любимым, — это уже часть культуры; камень, лежащий на обочине дороги, — природа, а тот же камень, положенный на могилу предка, — культура. Таким образом, культура — это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и др.) и способы видения, понимания и преобразования мира. Культура — это искусственная среда, созданная человеческой деятельностью. Но не всякая деятельность порождает, например, духовную культуру, а только та ее часть, которая носит сакральный характер либо связана с поисками смыслов бытия.

Во второй половине XX века проблема взаимодействия языка и культуры пытаются решить многие отрасли лингвистики — она исследуется в межкультурной

коммуникации (60-е годы XX века США), лингвострановедении (1970-е годы Россия), лингвокультурологии (90-е годы XX века Россия), этнолингвистике и антропологической лингвистике.

В настоящее время наблюдается стремительное развитие лингвокультурологии — науки, посвященной изучению и описанию корреспонденции языка и культуры их взаимодействию. При этом внимание привлекается к говорящему человеку.

Итак, язык и культура тесно взаимосвязаны, и это аксиома. Но как именно? Что является связующим звеном? Это как раз и является актуальнейшей на сегодняшний день проблемой, которая целым рядом лингвистов, философов, лингвокультурологов решается по-своему.

Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны высказывал еще Л. Ельмслев: «Структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное отражение ее» (Ельмслев, 1970: 267). Именно поэтому философия рубежа тысячелетий развивается на базе исследования языка. А М. Хайдеггер, выдающийся мыслитель нашего времени, назвал язык «домом бытия». Телия В.Н. построила свою концепцию фразеологии на основе изоморфности языка и культуры (Телия, 2002).

Используя такие единицы языка, как поговорки и пословицы, можно научиться поведению, принятому в данной культуре: *Пей за столом, а не пей за столбом; Пеню время — молитве час; Делу время — потехе час; Под лежащий камень вода не бежит; По одежке протягивай ножки; Учись доброму, так худое на ум не пойдет; Побойся Бога! Обидеть легко, да жить какково?*

Таким образом, жизнь человека должна рассматриваться в зеркале культуры (Э. Кассирер), именно культура составляет тот общий фон, на котором воспринимается язык, который не просто выражает идеи, но и создает их.

Ученый, исследующий взаимодействие языка и культуры, должен учитывать, что он тоже носитель определенной этнической культуры, не только вооружающей, но одновременно ограничивающей его своей системой координат и категорий, потому что каждый язык, сквозь призму которого его носитель познает культуру и вырабатывает собственное миропонимание, несколько по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Еще В. Гумбольдт писал, что каждый язык очерчивает вокруг своего народа круг, выйти за пределы которого можно лишь путем усвоения еще одного языка.

Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира, и носитель языка организует содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом и проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Еще одна, пожалуй, самая спорная и сложная тенденция в современной лингвистике — повышенный интерес к **глубинным процессам и знаниям в языке**.

Для всей современной гуманитарной науки наиболее характерен переход от фактического знания к глубинному. На рубеже тысячелетий подступы к глубинному познанию реальности стали искать на путях синтеза научного, философского, художественного и религиозного подходов, имеющих своей установкой обретение целостного видения человека и способов его мирозерцания. (См.,

например, последние работы академика Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник», «Протей. Очерки хаотической эволюции» и др.)

Познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра его психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» (Берестнев, 2017: 38).

Выдающиеся мыслители прошлого века (например, Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате») выдвинули идею о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть постигнута дискурсивно, она открывается человеку в образе. Он писал: «В самом деле, существует Невысказываемое... Это мистическое» (Витгенштейн, 2005: 72).

По выражению П. Рикера, над каждым словом находится «венчик невыразимого», и в любой момент диалога во взвешенном состоянии находится и то, что непосредственно высказывается, и вся бесконечность невысказанного.

Современный ученый Т.В. Черниговская также считает, что язык включает в себя, кроме алгоритмов научения, и «невычисляемые пласты» (Черниговская, 2017: 64). О «сфере смутных представлений» писал И. Кант. Областью исследования глубинного становятся пророчества, сновидения, предвидения, совпадения в жизни людей, народные приметы.

Все это позволяет понять, что способ представления глубинных знаний может быть разным: *сны* рождаются в глубинах внутреннего мира, они плохо вербализуются, так как образны, прихотливы, неподвластны нам. В них одна картинка сменяет другую, казалось бы, без всякой логики и видимой причины. Они завораживают и оставляют смутное впечатление объективной реальности, непереводимой на язык слов. *Пророчества* — репрезентируются естественным языком. В *приметах* работают базовые семантические оппозиции — *левый — правый, горячий — холодный, свой — чужой, мужской — женский* (чешется левый глаз — к радости; чешется левая рука — к получению денег; споткнуться на левую ногу — к удаче; чешется правая рука — здороваться; удача ждет человека, оказавшегося за столом между двумя мужчинами с одинаковыми именами, встретить женщину с пустым ведром — к несчастью и т.д.).

Еще один путь к глубинному знанию — особое внимание к семантическим процессам, к тому, как ложатся на семантику языка наши знания о мире. Перефразируя известное высказывание Ю.М. Лотмана о семиотике, можно сказать: человек — это семантическое существо, живущее в мире значений и смыслов, репрезентирующих реальность. Однако здесь следует иметь в виду, что это не та традиционная семантика, а ее глубинные процессы, не лежащие на поверхности, так как языковая и культурная семантика во многих единицах языка тесно переплетается. Например, *спать и видеть* в значении «очень сильно хотеть». ИмPLICITная культурная информация — сон отражает сокровенные мечты, он прямо или косвенно связан с реальностью, поэтому у ряда народов есть ритуальные практики через сон объяснять и даже изменять реальность. Отсюда следует, что

в ФЕ *спать и видеть* просматривается следующий глубинный смысл: сон — это состояние полуреальности, которое помогает ее понять и предвидеть (ср.: *Смеяться во сне — плакать наяву. Смеяться во сне — к болезни* и т.п.).

Философ В.В. Налимов справедливо рассматривает мир как семантическую вселенную, а человека — как *самосчитываемый текст* (Налимов, 1993: 77). В генетической книге достаточно сместить только одну букву и весь дальнейший текст будет иметь другой смысл. Наш организм постоянно читает эту книгу. Чтобы повлиять на другого человека, необходимо войти в его семантическое поле, знать законы его функционирования, знать его грамматику. Тексты ДНК и РНК подчиняются общим законам универсальной грамматики. Если знать эту грамматику, то можно существенно повлиять на человека. Но уровень влияния определяется не только смыслом, ритмом и другими чисто языковыми характеристиками, но и уровнем *значительности личности*, пытающейся воздействовать, например, преподавателя, врача.

Экспериментально доказано влияние слова на мир. Так, установлено с помощью замеров влияние слова на семена пшеницы и ячменя: при чтении одного и того же текста пораженные радиацией семена *выздоравливают*, если текст читается *интересным и глубоким человеком*, вносящим в чтение *личностное* отношение. И здесь только подтверждается мысль Бердяева: «Тайна лишь углубляется от познания».

Итак, язык — орудие создания смысла и одновременно инструмент поиска смысла («*Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу*» — Ф. Тютчев).

Думается, что один из путей познания глубинных семантических процессов лежит через поэзию, которая оперирует множеством символов, имеющих диффузную и имплицитную семантику.

Действительно, мистическое имеет немаловажное значение при рассмотрении поэтического текста, который может быть проанализирован с позиций трансцендентного, т.е. лежащего по ту сторону опыта, но при этом обуславливающего данный опыт. Часто поэзию вообще выносят за рамки законов «рацио», и тогда она понимается вне оценки с позиций разума и логики. А как иначе объяснить появление поэтов-пророков? Только ли интуиция здесь работает? Эти вопросы пока так и остаются открытыми.

Известно, что древнейший склад ума был ясновидческим, мифологическим, колдовским, только в греко-латинский период на первое место выходит логическое рассуждение. И в России есть поэты, которые способны увидеть непонятный и страшный мир. Эти поэты тяготеют к той или иной форме мистического поиска: А. Блока подпитывала мистика, М. Волошина интересовала теософия, Вяч. Иванова — эзотерические знания, в творчество Ф. Сологуба вошли навьи и т.д. Таким образом, в России всегда были поэты, которые осмеливаются войти в глубь души и увидеть там бездну. Это Ф. Тютчев, А. Фет, А. Блок, М. Цветаева и др.

XX век в поэзии пронизан поисками таинственного. Поэты понимают, что область, доступная сознанию, невелика: разуму подвластна лишь маленькая часть мира, которую человек может понять и объяснить.

Считается, что лишь поэтам и мистикам открывается сокровенный смысл в обычных вещах. Такова Марина Цветаева, у которой видим чудом сохраненные остатки древнего сумеречного ясновидения, явленные в ее творчестве. Не случайно она писала: «Стихи сбываются. Поэтому не все пишу».

В ее творчестве особенно велика роль ирреального, которое и страшно, и притягательно одновременно. Великий сербский философ и богослов Преподобный Иустин (Прокопович) писал: «Своими пугающими загадками потустороннее, как огненными стрелами, изрешетило и тело, и дух человека, которым обнесена наша чудная планета. Загадками человек изрешечен, и тело его стало решетом, и его дух. А решето может ли остановить ураган потусторонних тайн...?» (Преподобный Иустин (Прокопович), 2004: 24). Думается, что именно поэзия может в какой-то мере ответить на этот вопрос.

Как явлена цветаевская стихия? В ней можно выделить не менее трех ипостасей ее проявления: 1) в поэтическом творчестве вообще, в слове, где явлена нам чара; 2) в представлении ею внешних стихий — огня, музыки, сна; 3) стихия как индивидуальный мистический опыт, как выход за пределы бытия, в Космос («Поэма Воздуха»).

М. Цветаева — поэт, который не просто имеет дело со стихиями, она находится внутри стихии и может перенести это ощущение в поэзию. Все ее творчество — это освобождение стихийного начала в себе, претворение его в поэзию. В ее стихах есть недоговоренность, возможность для сотворчества:

*Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.* (Цветаева, т. 2: 124).

Ее лирика зачастую — спонтанное течение сознания, восприятия жизни как непрестанно чередующихся образов и впечатлений, образующее некий «поток» на основе человеческих импульсов и инстинктов:

Вот: слышится — а слов не слышу,
Вот: близится — и тьмится вдруг..

На всем ее творчестве лежит печать неугасимой тоски по иному миру. Ее поэзия поражает своей мистической устремленностью к высшим мирам. Кажется, что ее откровения рождаются помимо ее воли, что они даются ей свыше. Таковы ее стихотворения и циклы «Ночь», «Час души», «Заочность», «Так вслушиваются...» и др. Но наибольшей высоты она достигла в «Поэме Воздуха».

Тончайшие смыслы ее стиха зачастую не поддаются вербализации, превращают их в сгусты невыразимого, сродни колдовскими заклинаниям.

Что дадут подобные исследования лингвистике? С их помощью могут быть получены новые данные о содержательном устройстве человеческой ментальности, психики, имеющих отношение к бессознательному. Поэтому необходима дальнейшая разработка данного вопроса, объективный лингвистический анализ данных феноменов.

Эти знания вскрывают для нас некаузальные отношения в мире как мало исследованные, обнаруживая более глубокий закон бытия.

Заклучение

Итак, теперь уже нет сомнений, что изучение языка заведомо неполно без обращения к мыслительным категориям, категориям культуры, сознанию и даже подсознанию человека, так как язык представляет собой сложный интегральный феномен и его изучение должно проходить в широком системном контексте.

Сбылись слова Э. Сепира, сказанные им еще в 1929 году о расширении области исследования в лингвистике: «Остается лишь надеяться, что лингвистика осознает важность своего предмета изучения для общего развития наших знаний о мире и не останется в стороне, прикрывшись традицией, которая рискует стать схоластической, если ее не оживить обращением к областям, лежащим за пределами формального изучения собственно языка» (Сепир, 1993: 211).

Благодаря названным тенденциям, языкознанием стало исследоваться то, что пару десятилетий назад находилось вне сферы лингвистики. В нашей же стране по-прежнему приговором звучит фраза: «Это не лингвистика». Здесь хочется подчеркнуть, что в сферу лингвистики сейчас входит все, что отвечает требованиям теории знаковых систем и что позволяет увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки в языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбилейный сб. науч. тр. к 65-летию Николая Федоровича Алефиренко. М.: Флинта; Наука, 2011. С. 16–27.
- Алпатов В.М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
- Бахтин М.М.* Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных наук. Опыт философского анализа / Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 270–303.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
- Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики / Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков. Липецк, 2017.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Бубер М.* Проблема человека. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1998. 132 с.
- Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
- Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
- Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 310 с.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 1. С. 264–389.
- Каменская О.Л.* Структура и функция текста как средства коммуникации. М.: Высшая школа, 1990.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2004. 432 с.

- Лурье С.В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 624 с.
- Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.
- Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания / Язык и наука конца XX века; под ред. Ю.С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 341—420.
- Преподобный Иустин (Прокопович).* Философские пропасти. М.: Изд-во РПЦ, 2004. 288 с.
- Рубакин Н.А.* Тайна успешной пропаганды / Форматы непонимания. М.: НОУ «Высшие молодежные курсы», 2000. 289 с.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и науки конца XX века: сб. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35—73.
- Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) / С любовью к языку. М.; Воронеж: ИЯ РАН; ВГУ, 2002. 492 с.
- Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.
- Цветашева М.* Собрание сочинений в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994—1997.
- Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
- LaTableRonde:* сб. материалов / под ред. И.Ф. Ухвановой, А.А. Кожиновой, Е.В. Савич. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск: РИВШ, 2013. 368 с.
- Sherzer J.* The Ethnography of Speaking: A Critical Appraisal // Saville Troike (ed) Linguistics and Anthropology. Washington D.C.: Georgetown Un.Press, 1977. P. 43—58.

© Маслова В.А., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.12.2017

Дата принятия к печати: 21.01.2018

Для цитирования:

Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их исследования. 2018. Т. 16. № 2. С. 172—190. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна, член Президиума ВАК Белоруссии, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. *Сфера научных интересов:* теория языка, лингвокультурология, лингвоконцептология. Автор около 500 научных публикаций, из них около 30 монографий, учебников и учебных пособий. *Контактная информация:* mvavit@tut.by

THE MAIN TRENDS AND PRINCIPLES OF MODERN LINGUISTICS

V.A. Maslova

P.M. Masherov Vitebsk State University
33, *Moskovskiy Avenue, Vitebsk, 210015, Belarus*

The article identifies and describes the main trends and principles of modern linguistics such as integrativity, anthropocentricity, communicativeness, dialogicness, discursiveness, culturecentricity, interest in deep language knowledge, which interact even in one research.

Taking the human factor into account is the most important characteristic of post-nonclassical science, and therefore the anthropocentric vector of modern linguistic research contributes to the emergence of most of these principles.

In the twenty-first century, all humanities including linguistics are changing under the new demands of the modern social situation: first of all, due to a higher level of synthesis of humanities, their integrativity not only among themselves, but also with natural sciences. For such a complex research object as language, representatives of many sciences can contribute — from molecular biology, genetics, neurophysiology and psychology to anthropology, neurolinguistics and analytical philosophy. Research specialization should be found, as V.I. Vernadsky points out, “not in science, but in problems”, because the removal of information barriers between the sciences gives a powerful impetus for the research development.

Thanks to these tendencies and principles, linguistics started exploring the problems that previously were not part in its sphere of interest. Now the sphere of interest of linguistics includes everything that meets the requirements of sign systems theory and allows to see the deep semantic foundations of language, human mentality and culture.

Key words: integrativity, anthropocentricity, communicativeness, dialogicness, discursiveness, culturecentricity

REFERENCES

- Alefrenko, N.F. (2011). Cognitive and Pragmatic Subparadigm of the Language Science. *Cognitive and Pragmatic Vectors of Modern Linguistics: a Collection of Scientific Works* (pp. 16–27). Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Alpatov, V.M. (1993). On the Anthropocentric and Systemcentric Approaches to Language. *Questions of linguistics*. 3, 15–26. (In Russ.).
- Bakhtin, M.M. (1979). Text Problems In Linguistics, Philology and Other Humanities. Experience of Philosophical Analysis. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow. (In Russ).
- Benveniste, E. (1974). *General Linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Berestnev, G. (2017). Synchronicity as an Object of Cognitive Linguistics. *Spirituality And Mentality: The Ecology Of Language and Culture in the End of the XX–XXI centuries*. Lipetsk. (In Russ).
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Selected Works on General Linguistics*. T. 2. Moscow: House of the USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ).
- Buber, M. (1998). *The Problem of a Human*. Kiev. (In Russ).
- Wittgenstein, L. (2005). *Selected Works*. Translated from German and English by V. Rudnev. Moscow: “Territory of the Future” Publ. (In Russ).
- Humboldt, W. (1984). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Humboldt, W. (1985). *Language and Philosophy of Culture*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Dake, T.A. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Translated from English. Blagoveshchensk. (In Russ).

- Hjelmslev, L. (1970). Prolegomena to a Theory of Language. *New in Linguistics*. 1, 264—389. Moscow. (In Russ).
- Kamenskaya, O.L. (1990). *Structure and Function of the Text as a Means of Communication*. Moscow. (In Russ).
- Karaulov, Yu.N. (2004). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: URSS Publ. (In Russ).
- LaTableRonde (2013). A collection of materials. *Linguistics of Discourse and Perspectives of Its Development in The Paradigm of Modern Slavonic Studies*. Minsk: RIVSH Publ. (In Russ).
- Lurie, S.V. (2005). *Psychological Anthropology: History, Current Status and Prospects: Textbook for Universities*. Moscow: Academic Project: Alma Mater («Gaudeamus») Publ. (In Russ).
- Nalimov, V.V. (1993). *In Search of Other Meanings*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Postovalova, V.I. (1995). The Science of Language in the Aspect of the Ideal of Integral Knowledge. *Language and Science of the Late 20th Century*. Moscow: Institute of Linguistics RAS Publ. (In Russ).
- The Monk Iustin (Prokopovich) (2004). *Philosophical Abysses*. Moscow. (In Russ).
- Rubakin, N.A. (2000). Mystery of Successful Propaganda. *Formats of Misunderstanding*. Moscow. (In Russ).
- Sepir, E. (1993). Selected Works on Linguistics and Culturology. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Stepanov, Yu.S. (1995). Alternative world, Discourse. Fact and Principle of Causality. *Language and Science of the Late Twentieth Century*. Moscow. (In Russ).
- Telia, V.N. (2002). The Object of Linguoculturology between the Scylla of Linguistic-Creative Technique of the Language and the Charybdis of Culture (To the Problem of the Private Epistemology of Cultural Linguistics). *With Love to the Language*. Moscow. (In Russ).
- Formanovskaya, N.I. (1989). *Speech Etiquette and Communication Culture*. Moscow: High School Publ. (In Russ).
- Tsvetaeva, M. (1994—1997). *Collected works in 7 volumes*. Moscow: Ellis Lak Publ. (In Russ).
- Tchernigovskaya, T. (2017). *Cheshire Smile Of The Cat Schrödinger: Language And Consciousness*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russ).
- Shcherba, L.V. (1974). *Language System and Speech Activity*. Moscow. (In Russ).
- Sherzer, J. (1977). The Ethnography of Speaking: A Critical Appraisal. *Saville Troike (ed) Linguistics and Anthropology*. Washington DC: Georgetown Un.Press Publ. (In Eng).

Article history:

Received: 18.01.2017

Accepted: 21.01.2018

For citation:

Maslova V.A. (2018) The Main Trends and Principles of Modern Linguistics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 172—190. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190

Bio Note:

Maslova Valentina Avraamovna, the member of the Presidium of Higher Certifying Commission of the Republic of Belarus, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Germanic Philology, Vitebsk State University named after P.M. Masherov. *Research interests*: linguistic theory, cultural linguistics, linguoconceptology. The author of about 500 scientific publications, including about 30 monographs, textbooks and manuals. *Contact information*: mvavit@tut.by